

ИДЕИ М.А. ЛИФШИЦА И «БОРЬБА» ЗА НИХ

Рецензия на: Арсланов В.Г., Лагурев А.С. Михаил Лифшиц. СПб.: Умозрение, 2021. – 256 с.

Андрей Черных

Санкт-Петербургский государственный университет, г. С.-Петербург

Работа профессора В.Г. Арсланова и доцента А.С. Лагурева о Михаиле Александровиче Лифшице представляется на сегодняшний день актуальной по целому ряду причин. С одной стороны, в конце XX в. произошло, можно сказать, забвение советского марксизма в пользу русской религиозной и западной философии. Соответственно, история советской философии за последние десятилетия должным образом так и не отрефлексирована. С другой стороны, наследие М.А. Лифшица представляет большой интерес не только в рамках изучения *истории* философии, но и для развития *самой* философии.

Книга написана в жанре биографии, но о личной жизни, быте и прочих прозаических деталях авторы не говорят. Акцент ставится скорее на профессиональной биографии, которая тесно переплетается с жизнью Лифшица и политической обстановкой в СССР. Другими словами, и личность и философия Лифшица раскрываются через путь, который он прошел.

К одному из достоинств книги можно отнести лаконичность изложения. Отчасти это связано с тем, что в тексте отсутствуют «лишние» детали. По прочтении книги формируется образ Лифшица как последовательного марксиста, который всю жизнь боролся с догматиками-«марксистами» и позднесоветскими либералами. И хотя Лифшиц, очевидно, превосходил этих своих противников на теоретическом уровне, на практике реализовались именно либеральные чаяния. Вырисовывается трагическая ситуация, в которой понять и воплотить идеи Лифшица смогут только потомки. Вероятно, так и есть.

Через призму биографии Лифшица авторы представляют читателям трезвый взгляд на многие вопросы, которые стояли на повестке в XX в. и сохранили свою актуальность сегодня. Так, затрагивается проблема двойственности прогресса в классовом обществе, который всегда приводит не только к развитию человечества, но и к «чудовищным утратам». В другом месте речь идет о проблеме лавирования между двумя крайностями: «идеологически окрашенным тотальным отрицанием» и «косвенной апологетикой» прошлого. Эта проблема остро стоит, к примеру, в контексте политических репрессий 1937–1938 гг. Понимание того, что исторические события происходят с необходимостью, приводит к аполо-

гетике. Осуждение же этих событий ведет к всевозможным идеологизированным выводам. Авторы подчеркивают, что, понимая и необходимость, и жестокость истории, Лифшиц стремился найти нечто третье. Реальность, которую мы видим в кровавых исторических событиях, – это «малое бытие». А еще есть некоторая более широкая реальность, которая сокрыта в природе и которой «малое бытие» может не соответствовать. Причем эту реальность не следует трактовать в качестве идей Платона и подобных дуалистических концептов.

Также приведены размышления Лифшица о причинах возникновения фашизма. Эта тема представляется важной на сегодняшний день в контексте многих стран (России, Израиля, США и др.). Буржуазия не может пойти по пути ни своей революционной молодости, ни «традиционной реакции»: она находит выход в антикапиталистическом «бунте низов», который на самом деле только обновляет этот самый капитализм.

В вопросе о различии необходимого и естественного отмечается, что Лифшиц понимал необходимое как то, что происходит по законам истории развития общества, а естественное – как то, что внутренне присуще обществу. Если в истории встречаются подлые люди, это не значит, что человек по природе подл – это означает разве что историческую необходимость, в результате которой люди могли становиться подлыми.

Авторами показана принципиальная позиция Лифшица против вульгарной социологии и вульгарной литературной критики. В этом контексте упоминается принципиальная позиция И.В. Сталина, который тоже выступал против вульгарной социологии. Авторы отмечают положительную сторону этого обстоятельства в судьбе Лифшица, но в то же время не забывают и негативные стороны сталинского периода. Хотя работа не посвящена Сталину и другим партийным руководителям, все же через призму философии истории Лифшица подчеркивается неоднозначность эпохи 1929–1953 гг. По вопросу о вульгарной литературной критике авторы приводят мысль Лифшица о том, что в попытках сделать писателей «народными» вульгарные критики занимаются всего лишь их «изнародованием» (ассонанс со словом «изуродование» очевиден).

Авторы высказывают мысль, что Лифшиц мечтал об объединении демократов в СССР и на Западе против советских и зарубежных бюрократов и «бандитов» (с. 156). Здесь же подчеркивается, что, с точки зрения Лифшица, для марксизма было бы лучше, если бы советские либералы и чиновники позднего СССР открыто выступали против марксизма, а не под маской того же марксизма (с. 157).

В контексте онтогносеологии авторы пишут: «...создавая нечто более совершенное, чем может создать природа, настоящий творец только приближается к ней» (с. 170). Эта глубоко диалектическая мысль уже отражает основную проблематику онтогносеологии. Любопытно, что положения обыкновенного последовательного марксизма могут легко интерпретироваться в идеалистическом ключе. Вероятно, в этом отчасти и заключается сложность марксизма, в попытках развития которого многие мыслители приходили то к догматизму, то к постмодернизму.

В соответствии с онтогносеологией Лифшица становится ясно, что идеализм возникает вполне закономерно, а потому «иллюзия идеализма» (т.е. дуализм) прямо следует из структуры материалистической реальности, которая при высокой организации материи производит сознание. Сознание, в свою очередь, воспринимает логические законы мира, тем самым *как бы* отрывая их от материи, – это и есть, по Лифшицу, «идеальное», о котором он спорил с Э.В. Ильенковым.

Обращается внимание на работу Лифшица «Античный миф, мифология, эстетическое воспитание», в которой предлагается понимание мифа как символа отражения (с. 180). Также отмечается, что онтогносеология Лифшица – это новый коперниканский переворот в философии (с. 182).

В целом, надо заметить, что различные идеи и концепты Лифшица рассеяны по тексту так, что высказаться о каждом из них было бы затруднительно. Однако следует отметить, что работа В.Г. Арсланова и А.С. Лагурева хорошо подходит, чтобы начать свое знакомство с Лифшицем (не с философией, а именно с самим философом).

Тем не менее, погружая читателя в биографию Лифшица и историческую эпоху, в которой он жил и творил, исследователи как будто недоговаривают о самой его философии. Так, собственно изложение философских идей («онтогносеология», «идеальное») мы видим в разделе «Путь к свободе» (с. 163–182). Другие концепты («теория тождеств») представлены несколько бегло в предыдущих главах. Акцент делается скорее на саму личность Лифшица, нежели на его идеи. Получается философская биография, в которой, с одной стороны, недостает деталей собственно биографических (ведь книга далеко не про прозу жизни), а с другой, философское содержание вплетается в цепь событий жизни Лифшица, а потому его идеи изложены не вполне стройно.

Подводя итог, авторы заочно ведут полемику с современными «либералами» и «радикальными бунтарями-авангардистами», к которым в скобках добавляют: «“марксисты-ленинцы”, не шутите!» (с. 188). Однако остается не ясно, кто эти бунтари-авангардисты и можно ли их отождествлять с марксистами-ленинцами. Очевидно только то, что авторов что-то сильно беспокоит, и они считают необходимым высказаться. А что и кому они хотят высказать, к сожалению, не понятно. Понятно, кажется, только то, что это как-то связано с «борьбой» за Лифшица.

По тексту неоднократно встречается выражение «третий путь». С одной стороны, этим термином (*tertium datur*) обозначается позиция Лифшица, Лукача и «течения». С другой стороны, выражение «третий путь» имеет негативную коннотацию, особенно в русской культуре. Хотя и очевидно, что в связи с мировоззрением Лифшица и Лукача подобные параллели неуместны, кажется, что сам по себе этот термин не вполне удачный. Возможно, следовало бы сделать акцент на том, что марксистское *tertium datur* Лукача и Лифшица не имеет ничего общего с вульгарным пониманием «третьего пути».

Такжестораживают параллели между фашизмом и сталинизмом, которые едва заметно проводят авторы (с. 115, 149). У читателя может сложиться впечатление, будто Лифшиц был сторонником либеральных

политологических теорий, которые объединяют коммунизм (не различая его со сталинизмом) и фашизм под названием тоталитаризма. И хотя Лифшиц даже называл фашизм «страшной тенью коммунизма», все же надо понимать, что, по Лифшицу, разница между фашизмом, с одной стороны, и сталинизмом и коммунизмом, с другой, крайне существенна.

Примечательно, что авторы, упоминая в контексте биографии Лифшица таких людей, как Сталин или А.И. Солженицын, не стали достаточно ясно высказывать свои взгляды на их роль и значение в истории СССР. Создается впечатление, будто авторы опасались получить идеологическую оценку со стороны читателя. Тем не менее отмечается, что Лифшиц и Солженицын придерживались разных точек зрения на «бунт против социализма» (с. 154). Если Солженицын всячески одобрял восстание «низов» против социализма, то Лифшиц старался диалектически анализировать историческую ситуацию, а потому не бросался в крайности, чтобы не навредить обществу, которое, может быть, еще не было коммунистическим, но все-таки было более прогрессивным по сравнению с буржуазной «полусвободой» имущих классов.

Важно обратить внимание на приложение (с. 197–248), в которое вошли сочинения Лифшица, ранее не публиковавшиеся. В работе «Законченность и развитие в науке. Достижение однажды классической формы» (с. 197–233) Лифшиц критически рассматривает философию И. Канта. В рамках предисловия к «Критике чистого разума» философ с позиций своей онтогносеологии полемизирует против «кантовской тяжеловесной путаницы». Отмечается, что даже, казалось бы, «чистое» познание всегда включает в себя эмпирические знания, а потому разделение реальности на феномены и ноумены неверно. Вместо такого дуализма Лифшиц предлагает марксистскую диалектику материального и идеального. Также в приложении представлены небольшие заметки на различные темы (с. 234–248): проблема субъекта и объекта в материализме, «врожденные» понятия как форма познания, размышления об истории философии, тезисе о «лучшем из миров», эстетике, теории отражения, истине, политике, прогрессе в искусстве.

Одно из достоинств книги, которым следовало бы обладать каждому научному изданию, – это список источников (с. 249–252). В библиографию включены издания, в подготовке которых Лифшиц принимал участие, собственные сочинения философа, а также исследования о нем.

Хочется надеяться, что В.Г. Арсланов и А.С. Лагурев будут заниматься изучением и изданием работ Лифшица и дальше. С 2019 г. выходит собрание сочинений в 10 томах одного из друзей М.А. Лифшица – Э.В. Ильенкова. Кажется, М.А. Лифшиц не в меньшей степени заслужил того, чтобы его работы были изданы в подобном формате. Тем более что многие из его трудов до сих пор не были опубликованы, о чем пишут и сами исследователи. В связи с этим хочется высказать пожелание авторам издать собрание сочинений – может, даже полное – М.А. Лифшица.